

Исключительный факт. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

Исключительный факт. Максим Горький

Николай Петрович Дудочка считал себя философом, и это обстоятельство было одной из причин его воскресных прогулок по кладбищу. Он знал троих философов, выработавших себе некоторые особенности: Бенедикт Спиноза любил наблюдать жизнь и нравы пауков и весело смеялся, когда они пожирали друг друга; аккуратность Иммануила Канта служила лучшим средством для проверки часов кенигсбергских обывателей; а товарищ Николая Петровича – Акакий Двоеточие, землемер по профессии, но по призванию тоже философ, всякий раз, когда говорил о чём-нибудь мудром и высоком, задумчиво дёргал себя за левое ухо и во время пауз глубокомысленно высывал кончик языка, чем как бы дразнил и слушателя, и те вопросы, о которых говорил.

Николай Петрович тоже приобрёл себе особенность – прогулки по кладбищу в воскресенья от двенадцати часов утра до трёх дня.

Случилось это так: однажды он, не зная на что бы убить свободное время, пошёл гулять по городу и незаметно для себя, увлечённый своими думами, очутился на nive мёртвых.

Это было весной. Кустарники и деревья, густо покрывавшие старое, тесно засеянное могилами кладбище, только что оделись в пышные свежие одежды; их гибкие ветви ласково осеняли камни памятников и поросшие шёлковой зеленью холмы; солнце сияло так молодо и ясно... а когда над могилами проносился лёгкий и душистый весенний ветер, трава и листья меланхолично вздыхали, точно сожалея о тех, что лежат в земле и никогда уж больше, никогда не увидят весны и не послушают её музыки. Тяжёлые памятники, теряясь в зелени, смотрели из неё так хмуро и сосредоточенно и, казалось, были недовольны тем, что эта весёлая весна не оставляет в покое и кладбище, отнимая у них ту солидную важность и тоскливую красоту, которая так полна осенью гармонии с голыми сучьями дерев, жёлтым листом, опавшим на землю, и с серым, печальным небом. Теперь все они лишились цельности, и это весеннее, яркое небо, и весёлая зелень, и рой бабочек, порхающих повсюду, всё, что принесла с собой весна, – отталкивает их на задний план, тушет собой и как-то обворовывает их.

Николай Петрович ходил по кладбищу и думал о равнодушии природы, о жалкой участи людей, о вечном покое смерти и обо всём, что вызывает в уме вид массы могил, облитых живыми лучами весеннего солнца. Ему понравилось это печальное место; оно так сильно волновало мысли и заставляло так грустно и глубоко задумываться; понравился ему и самый характер дум, и, наконец, он сам себе понравился, как человек, умеющий подумать о жизни и притом думающий совершенно в духе времени.

Он не любил читать, но пессимизм, тот, что встречается в обыденной жизни, по большей части надутый или рисующийся, редко умный и искренний и никогда философский, – был знаком ему и нравился своим фронтёрством.

Покойный Акакий Двоеточие говорил ему, что пессимизм – это единственная умная теория в свете и что всяк, кто не пессимист, – трус и идиот: «Ты, братец мой, вникни только: всю жизнь насмарку! понимаешь? Всю жизнь! Вот что такое пессимизм!

Самый, братец ты мой, высокий скачок человеческого ума, ибо дальше отрицания жизни никуда не пойдёшь. А коли там разные эти говорят, что, дескать, все должны жить для жизни, плюнь им в рожу! Никакого, братец мой, толку из этой жизни но может быть; я, Акакий Двоеточие, в том тебе порука! Выпьем-ка ещё!..» Они выпивали, – и бедняга Акакий допился, наконец, до белой горячки, чем закончил свою жизненную карьеру и дал лишний предлог своему товарищу чаще посещать кладбище.

Потом он уже настолько привык, что то воскресенье, в которое почему-либо ему не удавалось совершить своей прогулки, казалось ему потерянным. Ему было болезненно приятно сидеть где-нибудь в тенистом уголке на могиле, думать о том, кто лежит в ней, и день за днём восстанавливать пред собой его жизнь. Выходили грустные истории, и чем более логично они были построены, тем более Николай Петрович нравился себе и тем дальше уходил от здоровой жизни в мир болезненно тоскливой

Исключительный факт. Максим Горький gorkiy.mos.ru фантазии, в мрачно красивый мир, заслонявший собой ту простенькую жизнь, что проходила перед его глазами в течение недели, от одного воскресенья до другого. Служба, товарищи, женщины, всё понемногу теряло в глазах Николая Петровича свою цену, рисуясь ему мелким и смешным...

Над ним стали смеяться, заметив, что он избегает общества, о нём заговорили, что он хочет пойти по стопам пьяницы Двоеочия, зашибленного жизнью, безвольного, жалкого человека, смеялись, клеветали, но, как всегда это бывает, никто не догадался серьёзно заглянуть в его внутренний мир; он обозлился, и скоро вышло как-то так, что он остался совершенно одинок и ещё более полюбил свои экскурсии в область пессимистических предположений и картин. И, всё более влюбляясь в себя, гордясь своим исключительным положением, он потерял, наконец, интерес ко всему, что выходило из рамок его меланхолических фантазий. В этой жизни, среди людей, не связанных друг с другом ни солидарностью целей, ни взаимным уважением и верой друг в друга, так легко и быстро можно погибнуть и потеряться, раз сам недостаточно стоек и не имеешь никого, для кого бы твоё существование было ценно и важно.

День, в который Николай Петрович был очевидцем исключительного факта, – факта, чуть было не выбившего его из пессимистической колеи и о котором он после рассказывал, скрывая своё смущение за скептическим тоном и улыбкой, этот августовский день был сух и жарок.

Сняв шляпу и обмахиваясь ею, Николай Петрович ходил по извилистым дорожкам кладбища и, в сотый раз прочитывая надписи на крестах и памятниках, грустно улыбался им, как старым знакомым. Бывшие люди, лежавшие мирно и покойно под этими крестами и памятниками, были наделены Николаем Петровичем сочинёнными им биографиями, и он расхаживал, ничуть не убавляя мрачных красок и тоски, а ещё более увеличивая их.

У него прогрессировала страсть к творчеству несчастий и бед, коими он уснащал и без того, наверное, не очень светлую жизнь своих упокоенных объектов.

На кладбище было тихо и пусто. Деревья и кусты замерли в знойном воздухе и, не шевеля листвой, стояли и, казалось, так же как и Николай Петрович, – думали о смерти, несчастиях, горе и о прочих неприятных вещах. Трава на могилах, покрытая пылью, тоже грустно склонила стебли...

Николай Петрович проходил мимо богатого мавзолея, обнесённого вычурной решёткой, с клумбами цветов, разбитыми в ней. Цветы заставили Николая Петровича улыбнуться.

«Цветы на могиле! – думал он... – Тот, кто посадил их тут, посадил несомненно с добрыми намерениями; но их присутствие от этого не стало более уместным. И мне кажется, что они как бы говорят тому, кто лежит там, в земле, дающей им сок жизни:

«Смотри, ты умер, но это нам ничуть не мешает цвести!» И ничему не мешает твоя смерть.

Ты, может быть, что-то думал о себе, чем-то считал себя? Напрасно. Был ты, – была жизнь, и нет тебя, – есть жизнь. И твоё присутствие или отсутствие в жизни не даёт ей никакого особого колорита. Может быть, ты предполагал, что ты был нужен кому-то и что кто-то будет сокрушаться о тебе? Я часто хожу мимо твоего места и никогда не видал, чтоб трава вокруг решётки твоего памятника была смята. Очевидно, никто не бывает у тебя, дружище!.. Может быть, ты куда-то порывался, когда жил, – и это сделало твою жизнь мучительной и беспокойной?.. Э, лучше бы ты помнил всегда о том, что все порывы ввысь только ускоряют тот день, в который мы отправляемся вниз, в землю, где так сыро и холодно и куда не следует торопиться, раз ты появился на свете, ибо всё равно не избежишь того, что неизбежно...»

Николай Петрович вздохнул и оглянулся.

Кладбище в этот знойный день было настроено в унисон с его мирозерцанием.

Безмолвное, пустынное, подавленное зноем, оно смотрело каждой деталью своей в жаркое небо так сосредоточенно-мрачно и неподвижно, точно говорило ему: «Всё

Исключительный факт. Максим Горький gorkiyamaxim.ru созданное и одушевлённое тобою принадлежит мне. Ты всё-таки хочешь создавать? Спасибо за хлопоты; но, право, не знаю, нужны ли они тебе и мне».

«Старая игра в создание и разрушение – жестокая игра!» – думал Николай Петрович; но мирился с ней, – она необходима. Мы так легко миримся со всем и так быстро привыкаем ко всему, что давно бы уже привыкли к мысли о бесцельности бытия, если б подобная мысль не оскорбляла наше тщеславие.

«А! вот она, могила известности! Ну что, старый идеалист? Каково тебе там?

– остановился Николай Петрович перед свежей могилой, покрытой венками. – Отдыхай от своей трудовой жизни, за которую тебе заплатили этими пошлыми венками и – только!

Твои похороны помпой и пышностью, которой они были обставлены, доставили много развлечения обществу, и твоя смерть дала готовую тему для разговоров и газетных статей на три дня. Это всё. Немного мало за сорок лет работы, немного мало!.. И до сей поры никто не позаботится привести в порядок твоё последнее место на земле...»

Николай Петрович пошёл дальше, кивнув могиле головой. Он помнил человека, что лежит в ней. Больной, иссохший старик с лихорадочно возбуждённой речью и не по-старчески энергично сверкавшими глазами, вечно о чём-то хлопотавший, что-то отстаивавший, кого-то проклинавший, – был ему совершенно непонятен. «Какие пружины им двигают?»

– спрашивал себя Николай Петрович, когда видел, как тот злился, радовался, тосковал и всячески сокращал свои дни. И ему казалось, что этот старик, несмотря на всю красоту и цельность его внутреннего мира, недалёк. Неужели он не понимает, что все его хлопоты – жалкий пух? Разве он считает себя способным перестроить жизнь? Перестроить жизнь – это значит, по крайней мере, создать нового человека... И он про себя улыбался скептически, когда слышал об удачах или неудачах этого старого чудака.

Месяца полтора тому назад этот чудака отошёл в царство теней. Над его могилой поговорили об его заслугах и – покончили с ним. И из всего, что говорилось о нём, самой красивой и искренней речью была речь какого-то пьяного молодого человека.

– Прощай, брат! – сказал он. – Прощай, старый вояка! Ты оставил после себя гораздо больше торжествующих врагов, чем опечаленных друзей. Эт-то хорошо! Эт-то очень похвально!..

Николай Петрович вспомнил эту маленькую, но верную характеристику покойного и печально улыбнулся. В ней всё, до последней буквы, было верно... Врагов осталось больше, друзей – меньше... Много врагов имеет только хороший и честный боец.

Дорожка, по которой шёл Николай Петрович, повернула за большой мраморный памятник, и из-за него прямо на Николая Петровича вышли два мужика. Они смущённо посторонились, прижимаясь к решётке памятника и, молча, вопросительно посмотрев в лицо встретившегося барина, пропустили его мимо себя.

– Спросить бы у него... – услышал Николай Петрович возглас вполголоса.

– Ну, чего? Говорю, знаю где! Видал я, как хоронили-то.

«О ком бы это они?» – подумал Николай Петрович и пошёл вперёд. Но через минуту он ощутил в себе желание узнать, кого они ищут, воротился, и тихо пошёл по дорожке вслед за ними. Впереди его, шагах в десяти, сквозь ветви кустов и меж памятников, тихо плыли две серые, отрёпанные фигуры, то и дело оглядываясь вокруг себя и останавливаясь.

– Вот она! – донеслось до ушей Николая Петровича довольное восклицание.

«А, это плотники, очевидно! – подумал Николай Петрович и тотчас же вспомнил, что сегодня воскресенье. – Так они пришли просто смерить ограду...» Но это заключение не убило в нём интереса к двум мужикам. Он прибавил шагу и, подойдя ближе, увидал, что две серые фигуры стали на колени на сухие комья глины у могилы

Исключительный факт. Максим Горький gorki.umaxim.ru
старого чудака, стали и истово крестятся, то и дело склоняя головы к земле.

– Ба!.. Вот как! – воскликнул Николай Петрович. Он почувствовал, что что-то острое, приятное кольнуло ему сердце, подошёл ближе и стал в двух шагах, за кустами, позади молившихся мужиков. Они молились усердно и долго.

– Го-осподи! – вздыхал один, постарше, в дырявом расстёгнутом полушубке, седой, грязный и лохматый, – вздыхал и, подымая голову к небу, долго смотрел туда.

Другой, молодой парень с сухим и хмурым лицом, молился молча, и всякий раз, когда он склонялся в землю, русые подстриженные в кружок волосы встряхивались и падали ему на лоб и виски. Он отводил их левой рукой, не переставая креститься правой.

Осенняя их тень, клён простирал над их головами свою вычурную листву и стоял неподвижно, замерев в зное летнего дня. Кругом всё молчало и было как-то особенно строго, пустынно..

Николаю Петровичу захотелось увидеть их лица, и он было сделал движение, чтоб обойти могилу и стать против них, но в это время старший вздохнул и, проговорив вслух: «Упокой, господи, душу его с угодниками твоими!» – кончил молиться и сел на землю, боком к могиле и в профиль к Николаю Петровичу. Младший тоже сел рядом, положив свой картуз на могилу, рядом с поблекшим венком живых цветов. По левой щеке старшего, обращённой к Николаю Петровичу, медленно стекала мутная слеза; она не отражала в себе лучей солнца, бивших прямо в старое, морщинистое лицо. Лицо младшего было сосредоточенно и сухо, лоб разрезан глубокой, вдумчивой морщиной; он вытащил из кармана своего серого суконного пиджака засаленный кисет и медленно свёртывал папиросу. Старый, обняв руками колена, молча сидел и покачивался взад и вперёд.

– Вот, значит, на этом самом месте и того... – заговорил он, вздыхая.

– Как бишь ему фамилия-то была? – спросил младший, не подымая головы.

– Фамилия? – Старший поднял голову кверху, зачем-то плотно сжал губы и стал расчёсывать пальцами свою лохматую бороду. – Позабыл я фамилию. Мудрена была. Нам что фамилия?! Радетель был покойник, и-их какой! Как раз он земского агента за страховку расчесал! бра-ат ты мой!.. беды! Вы, говорит, что? Трутень вы, значит, вот что!

Крестьянство, говорит, своих денег не должно ждать!.. Ах ты, господи, сколько в нём души к крестьянству было!..

Старик умилённо замолчал и провёл заскорузлой ладонью по лицу.

– Один раз и я его тоже видал... – закуривая папиросу, заговорил молодой.

– Видал? – оживился старый.

– Как же, возил его из волости на станцию. Седой, строгий. «Как, говорит, живёте?» – «Эх, мол, барин, даже отвечать трудно на это. И самим непонятно, как живём. То есть коли мы, мол, в этот год с голоду не околеем все как есть, запишите – великое чудо случилось! Хлеб у нас, мол, такой, мыши и тараканы не кушают, вот как!» И расписываю ему, значит. А он молчал, молчал, да и говорит: «Ну, ты, говорит, не очень куксись; оставь жалобы-то для баб. Хоть оно, говорит, и так, однако, говорит, и вы сами тоже не без греха. Гляди, говорит, в оба, а зри в три. Учись, разум тебе для того отпущен». И пошёл, и пошёл!.. И так это всё у него просто, складно, понятно.

Ах ты, думаю! Остановил лошадей, слушаю: «Ты чево, говорит, не едешь?» – «Да вот, мол, не слышно вас от колёс-то, потому гремят». Засмеялся. «Ах вы, говорит, младенцы!»

Потом хлопнул меня в спину и говорит: «Приходи ко мне, в городе будешь. Я тебе расскажу, коли слушать хочешь...»

– Ну, и был ты? – спросил старик.

Исключительный факт. Максим Горький gorkiy.moscow.ru

– Нет, не был. А к дому подходил раз, это точно. Подошёл, вижу, карета стоит у крыльца; постоял, посмотрел. Боязно. Чего я ему? Потом ещё кто-то приехал, тоже как бы очень важный господин. Ещё, ещё... Я и ушёл.

Он кончил разговор; докурив папиросу, бросил её на землю и сумрачно посмотрел на могилу.

– Н-да, был старатель для крестьянства. Теперь, брат, не попрыгаешь далеко-то, потому лишились! – проговорил старик и снова закачался.

Оба замолчали. В их позах много было такого грустного, потерянного, и по лицам, задумчивым и сиротски печальным, то и дело пробегали тени дум. Серые фигуры стали как-то ещё больше серы, неуклюжи, и их молчание казалось Николаю Петровичу невероятно красноречивым.

И, несмотря на то, что их губы не разжимались, ему казалось, что двое сирот всё ещё говорят о своём «радетеле», говорят теми же уродливо скомпонованными фразами и тем же маловыразительным тоном, которым говорили две-три минуты тому назад.

А кладбище сосредоточенно и бесстрастно молчало, всё облитое зноем и пустынное, несмотря на то, что было густо заселено. Кресты, памятники и зелень деревьев, всё кладбище было давно знакомо Николаю Петровичу; но теперь оно, казалось ему, приобрело какую-то новую холодную и жестокую черту, резко изменившую его общую физиономию.

Ему казалось, что каждый кусок креста и угол памятника, выглядывавшие из зелени, и сама эта зелень, мёртво неподвижная, – всё дышало в жаркое ясное небо холодом смерти и ироническим отрицанием всего живого, чувствующего и жаждущего жизни.

Николай Петрович глубоко вздохнул и потёр себе лоб ладонью. Ему захотелось поговорить с сиротами, но в это время старший из них повернул лицо к товарищу и снова заговорил:

– Тоже вот на земском однажды Телешевского барина разнёс он, ах ты, б-боже мой, как... Тот, значит, говорит: «Не родится хлеб, ну, так пусть овёс сеют!» Это про нас-то. А он встал и давай его шпынять. «Вы, говорит, я, говорит, крестьянство, говорит, – все люди! Одинаковые люди, вот как!» Да ещё и это не так, а «мужик, говорит, наш кормилец, и мы, говорит, его неоплатные должники. Потому, говорит, кабы не он, так вы бы, говорит, первый живот-то себе туго-натуго подпоясали; потому корму вам нет, коли мужика нет!» Чудесно он его расколочил. Тот так и загорелся со зла-то.

Н-да! Человечек был, царствие ему небесное!..

И, крестясь, старик любовно посмотрел на могилу.

– Евстратова Николку в люди вывел, какой парень-то стал, башка! Приезжал прошлым годом к отцу-то, студент совсем как есть. «Через два, говорит, лета доктором буду», – сообщил младший и снова стал вертеть папиросу.

– Школа тоже... – снова начал было старый, но, махнув рукой, замолк.

Николай Петрович чувствовал, что у него устали ноги, ему захотелось сесть.

Сделав движение, он задел рукавом пальто за сучок. Раздался жалобный треск. Сироты дрогнули, повернув в его сторону головы, подозрительно и пристально посмотрели на него, отвернулись; младший задымил папиросой, громко сплёвывая слюну и равнодушно посматривая по сторонам, старший ткнулся подбородком в свои колени и, похожий на ком тёмно-серой высохшей грязи, сделался неподвижен. Николай Петрович закрыл глаза и попытался восстановить тот взгляд, которым они оба с минуту смотрели на него.

Холодное любопытство и жёсткое недоверие светились в глазах младшего, а старший смотрел своими красными маленькими слезящимися глазами равнодушно и как-то снисходительно. Николай Петрович решил, что пора ему уйти отсюда.

– Тоже венков наложили ему. Ишь!.. Пойдём, Ефим!.. – сказал старик, подымаясь на ноги.

Исключительный факт. Максим Горький gorkiymaxim.ru

– Айда! – коротко ответил тот и тоже встал с земли. Затем, обнажив головы, они снова начали молиться.

Младший молился молча, старший, захлёбываясь, шептал что-то.

– Ну, прощай! – встал на колени молодой и поклонился в землю.

– До будущего разу! – прошептал старый. Николай Петрович молчал и смотрел им вслед. Они шли качающейся, медленной походкой по извилистой дорожке и, ни разу не обернувшись назад к могиле, пропали.

Николай Петрович подошёл к месту, где они сидели, посмотрел на могилу и на покрывавшие её венки и улыбнулся. Венки были смяты, сухи, пыльны, жалки и как-то пошло смешны. Николай Петрович чувствовал себя скверно, недовольный их видом и ещё чем-то. Но ему не хотелось разбираться в себе.

– Ба! что ж такое? Ну, это исключительный факт. Исключительный факт, и только!..
– и, пожав плечами, он быстро пошёл к ограде кладбища.

После, рассказывая обо всём этом, он начинал так:

– Однажды я наблюдал очень красивый, исключительный факт...

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!